УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 148, кн. 1 Гуманитарные науки *2006*

УДК 167:303

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

О.Д. Агапов

Аннотация

Статья посвящена осмыслению предметного самоопределения социальной философии, рассматривается проблема конституирования предмета социально-философской рефлексии, обусловленная сложностью социальной реальности.

В работе заданы контуры социально – философской концепции интерпретации, позволяющей преодолеть одномерность онтологического и гносеологического подходов, выйти на качественно иной уровень понимания социального бытия. В частности, показано, что предметом интерпретации является становящееся бытие человека, а сущность самого процесса интерпретации состоит в преображении человека как потенциального субъекта деятельности (истории) в субъекта «воплощающего – претворяющего» родовые силы в конкретно – историческом бытии становящегося человечества и выходящего тем самым на уровень пребытия.

Парадоксально, но факт – ни один из мыслителей специально не создавал проекта социальной философии, но вместе с тем ни одна из действительно состоявшихся философских концепций не имеет «пробела», некой ниши, где не поднимались бы вопросы бытия человека в обществе, или общественного бытия человека. В рамках построения целостной – завершенной картины мироздания практически каждый мыслитель стремился создать модель социального бытия. Первое явление подобного рода мы можем видеть у Платона («Государство» и «Законы»). Другой вопрос – насколько удавалось действительно выявить и рельефно показать специфику и уникальность социального бытия. В этом плане нельзя утверждать, что в истории философии были периоды вне философской рефлексии над вопросами, относящимися сегодня к «ведомству» социальной философии. Социально-философская составляющая философского постижения мира проявляет себя в каждую эпоху по-своему, каждый раз меняя «наряды» (философия права, философия истории, философия хозяйства, философия техники, философия пола).

Предмет социальной философии постоянно менялся, неизменным оставался объект – общество. Но раскрытие специфики очевидного и ощущаемого различия бытия людей и бытия природы (животного мира) каждый раз требовало своего переосмысления, где новые поколения не имеют некой привилегированной «точки зрения», дающей им право утверждать, что они действительно «уцепили» ускользающую предметность – социальность – за «хвост».

Предмет социальной философии не представляет собой нечто надуманное, он объективен, более того, предметность социальной философии как бы «наплывает» на нас, все время властно привлекая к себе, втягивая в водоворот пристального вглядывания и неузнавания. Однако объективность предметности социальной философии проблематична, если рассматривать ее с позиций некой натуральности. Нельзя сказать, что она не материальна, не вещественна. Вещественны все те артефакты, доставляемые нам археологией. Вещественно искусство, представленное архитектурой, скульптурой, живописью, литературой. Вещественна повседневность, состоящая из утвари (П.А. Флоренский – М. Хайдеггер). Но, будучи по результатам, по форме существования и исходным основаниям материальным, социальное бытие сверхвещественно – не сводится к потребностям и их удовлетворению. Общество живо интересами, где потребности сублимировались, преломились, получили совсем другой статус и значение, иное качество бытия (интересы как инобытие потребностей). Институты общества есть формы бытия людей, это их уклад, быт, это их жизнь всегда целостная и конкретная, пронизанная сотнями нитей, непосредственно не зримых, не данных самоочевидно. Движущие силы истории – элита, массы – оборачиваются династиями, семьями, обретают лицо и стать. И наоборот, личности теряют свой профиль и, при подробном изучении, становятся когортами современников, стратами, сословиями, классами. Неповторимость социальной жизни, ее разворачивание «здесь и сейчас», данное как событийность, трансформируется в тренды и паттерны истории, имеющие вполне детерминистскую трактовку.

Предмет социальной философии объективен, он есть нечто, а не ничто. В сущности, конституирование моделей социальной реальности упирается в вопрос субстанциональности, некоего первоначала. И тут на первые роли выходят такие феномены, как власть, собственность и связанные с ними политика, хозяйствование, право. Но именно данность общества и его реальность обманывают больше всего. Предметность, повторимся, «наплывает», накатывает и обволакивает, сковывая взгляд и мысль. Как камень-голыш на берегу укутывает волна, выдергивает его и подвешивает на мгновение, так что кажется, будто он плывет – летит, так и социальные институты, орудия труда и структуры общественного разделения труда даны нам в целом, в краткий миг представления. В реальности же – разбросаны и нескоординированы, требуют от нас усилия по процессу сборки и энергии для своего бытия. Однако, продолжая аналогию, – схлынет волна, и камень остается на берегу, в собственной нише среди других таких же голышей, демонстрируя незыблемость и непонятность бытия. Так и мы: схлынет впечатление – зачарованность харизмой власти, очарованием капитала или нежной эротикой – и остаемся мы «голые», под гнетом силы, необходимости и потребностей. Романтизм и цинизм в социальных конструкциях (концептах) сплетаются, образуя полюса противоречивого восприятия социального мира. Ни в первом, ни во втором случае мы не имеем дело с пониманием.

В известной степени, поставить вопрос о предмете – значит поставить вопрос о переосмыслении всего периода конституирования и институализации определенного типа знания, дать его в развороте становления. Предметность –

это самосознание интенции сознания, ее оборотная сторона, самодетерминирующая (самообосновывающая) вектор, направленный вовне. Данному вектору не за что зацепиться, объект есть «вещь в себе», необходим разворот, опредмечивание или трансцендентирование, в буквальном смысле «десантирование», инкорпорирование в объективную данность (по А.Ф. Лосеву – сплошность). Подобное бытие предметности показывает себя очень *хрупким*, что мы всегда и ощущаем, когда вопрошаем об основаниях любой научной дисциплины.

Предметность всегда погранична (отсюда междисциплинарность), это всегда клубок, превращенная форма, символ бытия. Предметность – мерцает, ускользает и возвращается, наплывая, захватывая. Мы двигаемся всегда по краю, мы всегда в этом случае выступаем «впереди» – то есть как интерпретаторы (между + идущий впереди), конституирующие мир знания, мир как таковой и себя в этом мире – междумирие мышления, его становление. «Становление – это тот «предмет», который сам рассматривает сознание на его соответствие ему, так и сознание смотрится в становлении, чтобы удостовериться в той или иной форме выраженности. «Предмет» становления – ПРЕДМЕТНОСТЬ, дающая смысл *событию* знания и сознания, структурирующая, упорядочивающая способность сознания быть выраженным в языке» [1, с. 75].

Итак, предметность событийна и, следовательно, требует от нас как субъектов *со-знания* участия и усилия нашей деятельности. Предметность в этом плане всегда «живая», т. е. держится на интенции субъекта познания/истории. Предметность живет в поле между опредмечиванием и распредмечиванием. Это полюса удержания предметности, или бытия предметности (объективный аспект) и бытия в предметности (субъективный аспект). Именно это и называется герменевтическим кругом, где предпонимание (опредмечивание) встречается с пониманием, которое способно обернуться (в какой раз) новым, иным пониманием, а следовательно, другим расширяющим сознание витком предметного присвоения мира и постижения его смысла, места и роли в нем человека. Подобного рода оборачивание или превращенность создает поле предметности, ее глубину, широту.

Переворачивание взглядов, переосмысление, остранение привычного, отход от канонов, верификация, деконструкция знания, в сущности, преследуют одно – выход субъекта познания на уровень СОБЫТИЯ. *СО-БЫТИЯ* получения и извлечения знания, в область бытия параллельного, острожного, диалогового, в чем-то иного (большего), чем он сам. Любое знание участно (это не мешает ему быть объективным). Переинтерпретация предметности преследует, кроме всего прочего, еще одну задачу, а именно: выход на уровень *со-бытия*, знания, присвоения и освоения мира; деятельностно-духовно-практического бытия в нем или выработку линии поведения в качестве познающего, удержания на линии интенции (дойти до конца – дна интенции – впечатления, раскрутить бессознательное впечатление от встречи с иным, другим). Отсюда карта поиска предметности становится картой – картиной жизни, топографией ПУТИ (М.К. Мамардашвили). Происходит стилизация и жизни (Л. Баткин, А.Ф. Лосев о Возрождении).

Предметность – это стиль (образ) жизни. Предметность социальной мысли Платона – это Платон. Предметность социальной мысли К. Маркса – это

Маркс. Предметность социальной мысли М. Фуко – это М. Фуко. Мы больно ранены бытием. Поэтому предметность науки экзистенциальна (это рана и комплекс науки, болеющей манией объективности). Однако экзистенциальность науки – не ее ущербность, а факт неразрывной связи с бытием. События знания «эквивокативны/двуслойны» и «двуосмысленны» (термин С.С. Неретиной). Разворачивание знания (всегда предметного) идет, с одной стороны, по линии *со-бытия*, «здесь – и – сейчас», а с другой стороны – выстраивается как знание вообще, как некая идеальная модель «раз – и – навсегда». Подобная двусоставность образует внутреннюю неоднородность знания, поскольку можно предположить, что векторов может быть ровно столько, сколько элементов мы способны выявить в деятельности познания. Например, стали классическими аспекты объективности и субъективности, получил определенное осмысление аспект целеполагания, методологии, инструментального оснащения, процессуальных действий, детерминации результатами. *Таким образом, каждый раз предметность (степень участия, угол зрения и восприятия) меняется, объективность показывает различные грани опредмечивания – распредмечивания, а значит, в парадигмальном плане мы можем удерживать «враз», по крайней мере, несколько различных модусов, реализовывать их.* Причем каждый из возможных путей будет задавать определенное восприятие мира и бытия в нем. Вектор объективности связан с созерцательностью, с антиномией развития (Платон); вектор субъективность/субъектность – с растворением в активности (Фихте); вектор методологичности с доминированием конструктивизма, вектор целеполагания проявляет себя в фатализме, провиденциализме. Возможные типы построения предметности и есть возможные типы социальной философии. Они взаимодополняют друг друга, но, будучи взяты вне контекста, могут быть рассмотрены как взаимоисключающие.

Осознание знания/бытия как проблемы – это *со-бытие*. Предметность смысла В.С. Библер назвал «опредмеченной возможностью во второй производной», которая реализуется в символической деятельности человека, выводит его за рамки предметной деятельности его реального бытия. Символическая деятельность человека «выталкивает» его из мира не за его (мира) физические «пределы», но как особую «вещь» этого мира, способную тем самым существовать естественно («сверхфизически»). Предметность смысла, представленная в символе, дает возможность со смыслом «сжиться» с помощью ЗНАЧЕНИЯ некоего предмета, о котором мы что-то знаем благодаря символу. Событие извлечения предметности из символа создает ситуацию переосмысления понятий, которые переходят из реестра повседневности, подвешиваются. И вот однозначность сменяется многозначностью, данность становится гетерогенной.

Ускользающая предметность социальной философии связана и качеством объекта, т. е. бытием общества, его становлением, причем становлением множественным, где различные векторы, взаимопересекаясь, следуют параллельно. Развитие общества подобно расширяющейся Вселенной, человек «наворачивает» на себя бытие. Объект социальной философии целостен, но он одновременно множественен, в рамках развития общественных отношений явно прослеживаются две причудливо переплетающиеся линии: расшнурования – дивергенции, дифференциации, разделения – интеграции – воссоединения. Социаль-

ная реальность целостна – это пространство многогранной деятельности людей. Однако данная целостность не самоочевидна, не ясна, более того, перед нами всегда конкретность, данность, представленная вещами, другими людьми, структурами – системами. При всем этом внешнем (для восприятия) нагромождении есть и поглощающие нас – власть, собственность, деньги. И тогда кажется: действительно, вся история человечества есть пляски вокруг либидо, сверх-Я, харизмы, вещей, пищи. Вторично, рефлексивно осознаешь ложность первого взгляда. Феноменальность таких явлений затягивает, увлекает за собой, заставляя конструировать различные модели объяснений. Из таких увлечений образуются устойчивые традиции, дисциплинарные матрицы знания различного уровня осознания (обыденные и теоретические, циничные и романтичные, интуитивные и рассудочные). Предметность таких дискурсов в известном плане оправдана и конституирует не только уровень восприятия, но и способ праксиса. Но все же предметность подобного дискурса не универсальна, социальность проявляется в таких феноменах, но не заключена только в них. Многовекторность природы человеческого рода обусловливает многовекторность осуществления и разворачивания предметности деятельности, производящей властные, хозяйственные, коммуникационные и иные отношения.

Исходя из множественности объективной социальной (родовой) реальности, предмет, посредством которого осознается (опредмечивается – распредмечивается социальное бытие) также может быть множественным. Единственно, что при всех случаях это будет *про-из-веденная*, превращенная форма – вещь – символ, отягощенная деятельностью (во многом спонтанной) и в силу этого имеющая, несущая человеку частицу себя. Мы полагаем себя (мы – потребность) и результатах видим то, что «положили», но в ином, предметном (усеченном) значении. В усечение мы, как правило, не умещаемся. Но именно усечение дает возможность «защемления», «поимки» родового.

Предметность всех социальных наук одна – «превращенные формы», но отличие их в том, каким образом производятся и существуют, *вос-производят* себя те или иные предметные области (грани – формы культуры, социальные институты, общества). Есть, видимо, своя ЛОГИКА у хозяйствования, власти, творчества, но она вмещается в логику ДЕЯТЕЛЬНОСТИ или является ее разновидностью, в силу чего они не только взаимоисключают, но и взаимодополняют друг друга, оттеняют себя, показывая себя «неслиянно – нераздельно». Междисциплинарность коренится в объекте и предмете социальных областей знания, поскольку каждый предмет может обернуться и рассматриваться одновременно и как предмет политической экономии, культурологии, социологического или политологического познания.

Сказанное является, безусловно, «открытием велосипеда», но псевдооткрытие общности ускользающей, множащейся на глазах социальности необходимо нам для того, чтобы задаться еще одним классическим вопросом, а именно, о соотношении предмета и метода. И даже еще четче: а не может ли быть такого, что предметность конституируется методом, как метод предметностью, и не является ли предмет и метод «разполюсованными» частями одного и то явления? Конкретно, не являются ли определенные процессы (методы) мышления не чем иным, как когнитивным образом процессов социальных, имеющих

не только отражательную, но и творящую сущность? Другими словами, возможно ли, чтобы, например, интерпретация как метод научного познания обернулась самим бытием социального, где методология не более чем одна из форм проявления социального? Интерпретация как форма жизни людей, где интерпретировать – значит жить, а понимание (концептуальность) как состояние бытия? Непонимание как состояние бытия? Мышление как движение в рамках этого просвета, зазора? Жизнь как усилие, как предприятие, авантюра и риск?

Если такое возможно, то богатство форм мышления есть воспроизведение богатства форм связей, их конституирующих, заполняющих (отягощающих) их содержанием. Следовательно, какие–то социальные институты конституируют механизмы объяснения, интерпретации, механизмы абстрагирования, концептуализации, идеализации. Хотя можно предположить, что индуцируется одновременно вся обойма мышления, а исторически реализуются одна – две. Синкретическое, синергийное мышление обретает в предметном освоении свою дифференциацию, определенный «ход» - путь, метод, который затем воспроизводят, очищают от случайного, делают предметом заботы и культа. Подобного рода взгляд позволяет рассматривать логику не только как науку о неком возможном мышлении, а как дисциплину, позволяющую взглянуть (как в зеркало) на картину социального бытия, где отличие одного метода от другого покажет специфику каждого социального института и одновременно задаст интенцию целостности (*со-знание*).

Целостность объекта – целостность предмета – целостность мышления – целостность личности. Тотальность первичная (синкретичная) должна обернуться тотальностью синтетической, стать единством множественного. Деятельность рода по освоению мира рассекает первичную тотальность и обеспечивает начало и существование второй (*со-знание* как соединение), создает герменевтический круг между текстом бытия и текстом деятельности, а понимание принадлежит не миру, а роду, человеческому роду, это форма бытия рода в пространстве и времени. Понимание опирается на архетипы – первообразы (схватывания), и сама культура есть разворачивание (переворачивание) архетипов, ставших той субстанцией (концептуальной матрицей), посредством которой род сумел выделить себя из природы, идентифицировать и детерминировать себя. Понимание, будучи родовым, имеет субъектный характер, т. е. принадлежит субъекту, носителю и разворачивателю родовых качеств. Субъективность есть модус субъектности, его социально-психологический сколок. Понимание субъектно, и эта субъектность включает в себя весь комплекс (истории, труда) связей и отношений, выработанных человеческим родом в своей истории.

В контексте вышесказанного актуальность возвращения к проблематике интерпретации обусловлена целым рядом взаимосвязанных обстоятельств онтологического, гносеологического и социально-экзистенциального плана.

Онтологический аспект, задающий проблематику заявленной темы, фундирован пониманием онтических, бытийственных оснований всех вопросов теории познания, философской антропологии, социальной философии, аксиологии. В частности, М. Хайдеггер, говоря о необходимости отчетливого возобновления вопроса о бытии, удивляется «выветриванию» смысла категории

«бытие», превратившемся в новоевропейской философии в «наиболее общее и пустое» понятие, но приводившем античное философствование в беспокойство [2, с. 17]. Вопрос о смысле бытия есть в том числе и вопрос об интерпретации бытия. Вся история философии и науки есть вопрошание и смысловая реконструкция бытия, в рамках которого мы уже есть. Иными словами, история философии есть фундаментальная аналитика бытия, ее истолкование и освоение по «контурам» обозначенных смыслов (устремлений). Более того, «философия есть универсальная феноменологическая онтология, которая, исходя из герменевтики присутствия, как аналитика экзистенции закрепила конец путеводной нити всякого философского вопрошания в том, из чего оно *возникает* и во что оно *отдает*» [2, с. 56].

Гносеологический ракурс проблемы интерпретации как вида познавательной деятельности задается «эпистемологическим» поворотом XX в., связанным с распадом прежнего классического и неклассического типа рациональностей. Неклассическая философия в «лице» экзистенциализма, герменевтики, «философии жизни», восставшая было против примата гносеологизма, в сущности, проиграла классической, поскольку это была критика, не затрагивающая фундаментальных оснований, заложенных Р. Декартом, Ф. Бэконом, Б. Спинозой, Д. Локком. Поэтому перед современной философией стоит задача пересмотра и переориентации, создания новой, по существу, «открытой» рациональности (именно – новой, а не постнеклассической, преобладающей сейчас, в форме постмодернистских штудий), опирающейся на обновленные основы в онтологическом, эпистемологическом и экзистенциальном плане.

Л.А. Микешина, размышляя о будущих путях философии, констатирует, что «для современной философии все более насущным и значимым становиться стремление соотнести абстракции, категории, систему рассуждений и обоснований с самим человеком – чувствующим, мыслящим, познающим, действующим – в целостности всех его ипостасей и проявлений» [3, с. 70].

Теория познания – гносеология – эпистемология, как справедливо отмечает Л.А. Микешина, сегодня является последним бастионом классической рациональности, областью философского знания, где по-прежнему доминирует натурализм и примат физикализма, а также концепции зеркального отражения и прямой репрезентации. Однако даже развитие философии и методологии науки отчетливо показало факт того, что на познание мира человеком влияет целый комплекс социокультурных и когнитивных установок и предубеждений.

Первым и главным камнем преткновения для классической теории познания стала специфика и уникальность гуманитарного познания. Попытка В. Дильтея совершить коперникианский поворот, повторить критику, проделанную И. Кантом в области естественнонаучного познания, в сфере исторического, на базе новоевропейской гносеологической установки не удалась. Вторым, «размыкающим» звеном классической теории познания стало формирование в недрах физического знания квантовой физики, допускающей, что в процессе познания природы субъект выступает не только созерцателем, но и активно воздействует на него, формируя как условия эксперимента, так и мыслительные конструкты. **Итак, современная философия оказалась в ситуа-**

ции осознания целостности познающего человека и, следовательно, нуждается в целостной философии познания.

Построение «открытой» полифоничной системы рациональности требует изменения трактовки понятия субъекта познания, предстающего человеком, задающим предметные смыслы, понимающим, интерпретирующим поверхностные или буквальные смыслы. С позиции философии познания, субъект познавательной деятельности не только отражает мир, но и репрезентирует, конвенцирует и интерпретирует его. «Субъект познания, прежде всего и главным образом, – это *субъект интерпретирующий*, поскольку его существование и деятельность развертываются не просто в объективной действительности, но в мире созданных им образов, знаков и символических форм, присущих самой структуре человеческой жизни». Очевидно, отмечает Л.А. Микешина, что **сущность интерпретации** не исчерпывается ее операционально-методологической природой или истолковывающей тексты деятельностью, но **выходит в сферу фундаментальных основ познания и бытия.** Интерпретация, за которой всегда стоит субъект, задающий и считывающий смыслы, выдвигающий предметные гипотезы, объединяет в себе элементы бытийно-экзистенциального подхода, предполагающего как обладание внутренней свободой, так и укоренность в культуре и социуме, а также собственно когнитивные – гносеологические, методологические и герменевтические – аспекты [3, с. 81].

Далее, интерпретация как предмет исследования в рамках **социальной философии** «вышла» на первый план при рассмотрении следующих тем: *а*) эпистемологических проблем, связанных с постижением социального бытия; *б*) при изучении механизма функционирования социальных институтов, в частности, при изучении места и роли «превращенных форм» в системе культуры; *в*) в связи с анализом современного общества, институализации новых социальных форм и практик и их идентификации и самоидентификации; *г*) как возможный способ конституирования личности. Однако если первый разворот – методологический – в той или иной мере был осуществлен в классической и неклассической философии и, в целом, на довольно высоком уровне рассматривается в рамках изучения специфики социального познания, то другие моменты изучены не столь подробно, и поэтому имеет смысл остановиться на проблематике места и роли интерпретации в социальных процессах и отношениях.

Кроме того, необходимость попытки создания социально-философской концепции интерпретации (что шире понимания) связана с убеждением в том, что ни одна собственно гносеологическая проблема не может быть разрешена только в рамках анализа познания как специфической формы деятельности, поскольку вычленение специфики познавательных отношений есть итог длительного процесса разделения общественного труда и возможен только при очень сильных идеализациях. Вопрос о соотношении принципов, методов и приемов, форм знания не является надуманным, но теряет свою актуальность и значимость сразу, как только мы начинаем рассматривать познание вне контекста социального бытия. Мышление, взятое как самоценное явление, действительно позволяет осуществлять феноменологическое описание, выявлять многие поля, сферы, структуры и состояния сознания, но даже в этом случае методология превращается в закрытую систему, отрывающуюся от своей «среды», а следо-

вательно, теряющую возможность прямых и обратных связей с ней. История культуры полна примерами того, как в целом рациональные методологические подходы, вскрывающие многие неявные структуры конституирования знания, вырождались в узкосхоластические теории ради теории (подобную ситуацию очень хорошо выразил Г. Гессе в своем романе «Игра в бисер»). В связи с вышесказанным можно утверждать, что гносеологическая и онтологическая трактовка процесса смыслообразования явно недостаточна и нуждается в рассмотрении в более широком контексте, в рамках суперсистемы, которой является социальной бытие. Социально-философский анализ «вбирает» гносеологическую и онтологическую проблематику в свой контекст, поскольку именно в нем мы выходим на уровень целостностей, целостности личности, а не «раздерганных» субъектов деятельности, отражающих, в лучшем случае, сложившееся в рамках социально-исторического развития положение дел. Таким образом, **социально-философское постижение** общественного бытия позволяет выйти на действительно мировоззренческий уровень, в рамках которого синергийно, «неслиянно и нераздельно» спрягаются, взаимодополняя друг друга, онтологический, гносеологический, философско-антропологический и аксеологические подходы к бытию человека в мире.

Таким образом, проблема возможностей интерпретации сегодня – это проблема, стягивающая вокруг себя целый комплекс вопросов, связанных с непосредственным бытием человека и общества, с возможностью целостного освоения и понимания мира и своей задачи в нем.

В том или ином ракурсе, проблема интерпретации является одной из основных, находящихся в центре внимания философской рефлексии с античности, где **герменевтика** рассматривалась как теория и практика, дающая человеку понимание явлений природы и общества до XX в. Представители различных философских школ, течений и направлений пытались выявить сущность и значение, границы и функциональные возможности интерпретации в различных аспектах: 1) как процесса мышления; 2) научного метода; 3) универсального способа познания мира и способа фундирования человека в мире. Наиболее распространенными в настоящее время являются *герменевтический*, *феноменологический*, *аналитический* подходы к проблеме интерпретации. Подробная их характеристика сегодня есть в любом учебнике по философии, мы же сконцентрируемся на обозначении **контуров** социально-философской концепции интерпретации.

1. В историко-философском и онтологическом планах, вероятно, необходимо говорить о том, что первичной формой процедуры задавания смысла является истолкование, раскрывающееся в каждом культурно-историческом образовании по-разному. Ретроспективно можно выделить в античности – герменевтику, в средние века – экзегетику, в новое время – интерпретацию. В современности произошла заминка – точка трансдукции: в силу глобализации все возможные культурно-исторические формы сошлись – находятся в едином герменевтическом поле. Отсюда и пристальный интерес к проблематике извлечения смысла.

2. Интерпретация – это процесс, имеющий **предметом** становящееся бытие человека. Сущность интерпретации в распредмечивании тех структур (тек-

стов), конституирующихся (в экзистенциальном плане) – институализирующихся (в интерсубъективном плане) в рамках деятельности человека (шире – рода человеческого) по освоению/присвоению им мира и самого себя.

3. **Интерпретация** есть опыт, воспроизводящий и конституирующий процессы освоения мира человеком, сущность которых состоит в **преобразовании** мира и самого себя. Сущность самого процесса интерпретации направлена на **преображение** человека как потенциального субъекта деятельности (истории) в субъекта «воплощающего – **претворяющего**» родовые силы в конкретно-историческом бытии становящегося человечества и выходящего тем самым на уровень **пребытия.** Кратко охарактеризуем понятия преображения, преобразования, претворения и пребытия.

Понятие **«пре-ображение»** – процесс видоизменения, освоения (опредмечивания/распредмечивания) состояний и структур общественного сознания, суть которого состоит в постоянной интериоризации данных структур, перевод их из безличной – абстрактной формы в личную, связанную с присвоением родовых сил человеческого рода. Термин «преображение» позволяет зафиксировать факт коренной (фундаментальной) трансформации человека (сознания и образа жизни, поведения), выводящий его на иной уровень отношений в системе социального бытия.

Понятие **«пре-образование»** – процесс *освоения* мира человеком, связанный с изменением в рамках деятельности человеческого рода бытия природы и собственного бытия. Основой преобразования выступает спонтанно образующиеся формы коллективной жизни, направленные на организацию системы хозяйствования и управления, позволяющие создать необходимые условия для бытия человеческого рода.

Понятие **«пре-творение»** – процесс *присвоения* мира человеком, связанный с рефлексией на формы преобразования и дальнейшим *воспроизводством* социальных отношений в собственно человеческом (субъектном) плане. Претворение – это человеческий модус исторически становящегося социального бытия, воспроизводящий как на уровне сознания, так и социальных институтов (институализация) инвариантные способы бытия, возникающие в рамках рефлексии на спонтанно сложившиеся отношения преобразования мира.

Понятие **«пре-бытие» –** процесс состояния переживания и осуществления человеком своих родовых сил в модусе синергии своего уникального (единственного и конечного) и универсального (всеобщего и бесконечного) бытия. Пребытие – «область» жизни, переведенной на уровень линии «бытие – сознание» (М.К. Мамардашвили) «мыследействия» (Г.П. Щедровицкий), «глубинного общения» (Г.С. Батищев), УМНОГО ДЕЛАНИЯ исихастов. Пребытие – сфера сопряжения преобразования, преображения, претворения – в едином модусе понимания, где способом перехода от одного процесса к другому как раз и выступает интерпретация, нацеленная на поддержание интенции пребытия от дорефлексивной формы (предпонимание) до ее развитых (более или менее) форм.

4. Интерпретация – процесс **смыслообразования,** и как таковой не только ретроспективен, но и проективен, направлен на будущее. Познание мира не только отражение, но и активное его воспроизведение, репрезентация, активное и творческое созидание/создание образа мира, и вместе с тем образа человече-

ского бытия. Интерпретируя социальные отношения в векторах «человек – природа», «человек – человек», «человек – техника» мы преображаем представление о предмете постижения и самих себя. Смещение и движение в рамках смысла создает имманентные условия для развития личности.

5. Герменевтический круг интерпретации – это круг описания жизни человеческого бытия, инвариантная (одна из возможных) форма осуществления (претворения, воплощения) человеком родовой сущности. Всякая интерпретация инвариантна, и это создает условия свободы. Вектор жизни – ответственность за воплощение. Интерпретация – «единство множества»: «единство» идеи – «замысла» и «множества» реализаций. «Познание – постижение – понимание» мира предметно, но многовекторно. Мы распяты на кресте действительности (О. Розеншток-Хюсси). «Человеческая жизнь – как индивидуальная, так и социальная – протекает в месте, где перекрещиваются четыре «фронта», ведущих *назад*, к прошлому, *вперед*, к будущему, *внутрь* нас самих, к нашим чувствам, желаниям и мечтам, и *наружу*, к тому, против чего мы должны бороться или что мы должны использовать, с чем мы должны приходить к согласию или чем должны пренебрегать». Поэтому, жизнь – это постоянный выбор. И наша целостность, наше хрупкое бытие зависит от того, каким образом мы можем «удерживать» равномерное движение в этих направлениях. В известном плане, общественное разделение труда несколько смягчает действие «креста действительности», но вместе с тем, наше бытие не редуцируется до готовых форм и требует нашего участия. **Становление** – вот основание иного, не декартовского отношения к жизни. «Мы боимся изменений, и потому мы мыслим. Каждый день мы должны умирать для одной из форм времени, поэтому мы и мыслим. Отнюдь не «cogito ergo sum», а «mutabor ergo cogito» является исходной точкой каждого человека [4, с. 503].

6. Интенция у различных форм истолкования одна, а вот реализация разная, поэтому и полученные формы знания (концепция, теория, миф, догмат, канон) коррелируются, но не сводятся друг к другу, не дублируют друг друга, раскрывая каждая определенный модус восприятия и бытия человека в мире. Исходной точкой для запуска интерпретации является понимание – это понимание отчуждения от мира, восприятие его и самого себя как отчужденных моментов, завершением (неокончательным – в промежутке «здесь и сейчас») является также понимание, но уже обогащенное и отягощенное всеми процессами восхождения от абстрактного к конкретному. Понимание, в рамках которого установлены определенные связи и зависимости между человеком и предметом понимания. Налицо оборачивание понимания, его конституирование от некой интуитивной заданности (предпонимание) к осознанной картине мира, мировоззрению.

7. Язык – это целостная среда, где порождаются и длятся межчеловеческие связи [4, с. 580]. Язык – это единственная в своем роде СУБСТАНЦИЯ совокупного опыта рода человеческого. Причем символическая деятельность человека «"выталкивает" его из мира не за его (мира) физические "пределы", но как особую "вещь" этого мира, способную тем самым существовать естественно, "*сверх-физически*"» [1, с. 114]. Это силовое поле «сверхчувственного – межтелесного – предметного», разрушающее биологическую обособленность, пре-

вращающее особь в родовое существо. Иными словами, язык человеческий направлен на превращение «говорящего, слушающего, понимающего» в иное существо. Говорение – это область становления: «говоря, мы пребываем в своего рода центре «креста действительности» и можем смотреть назад, вперед, внутрь и наружу»; это установление континуума связи между поколениями. Всякое имя – это императив, который должен стать плотью, ВОПЛОТИТЬСЯ.

8. Мышление как предмет дано нам как нечто уже объективированное в структурах (общества – сознания), и мы можем лишь адверсивно, реверсом – обратным ходом – реконструировать некий АЛГОРИТМ. Ретроспекция – это движение от конкретного к абстрактному. Именно здесь, в процессе рефлексии, мы, анализируя (рассекая), выделяем интенционально единый поток синергетично спаянных моментов мышления (идеализация, абстрагирование, объяснение), которые в первом **заходе** были слитными (синкретичными), данными как интуиция – интерпелляция. Происходит осознание взаимодополнительности каждого «шага» мысли опосредуемого, завязанного и обоснованного предыдущими, каждый из которых образует ряд следствий, происходит «наворачивание» смысла.

9. Адверсия мышления инвариантна и может быть описана и реконструирована различными способами, взаимодополняющими друг друга в своей ускоренности процессу мышления. Иными словами, герменевтическая методологическая парадигма противоречит диалектической, феноменологической лишь по форме, но не по содержанию. Общее в них ОДНО – интенция на содержание, на вскрытие связей отношений и зависимостей между человеком (человеческим родом) и миром, описание и понимание ВСЕОБЩЕГО, объемлющего их, позволяющего проявляться как множество. Связь этих двух бинарностей может быть описана и как соотношение бытия и сознания, материи и мышления, хаоса и космоса, бессмыслицы и смысла (текст – структура).

10. Исторически адверсивные ходы по реконструкции и трансляции «ходов» мышления закрепились в рамках общественного разделения труда за различными областями (формами) культуры: религией, наукой, философией, искусством, где целостность мышления РАСКРЫВАЕТСЯ через призму одной из полагаемых (априорно) «клеточек» мышления – веру, понятие, образ, звук (темп – ритм). То есть целостность смысла «*раз-ворачивается*» через **«игольное ушко»** образа, понятия, веры. «Угол зрения» – «разворот» – именно в этом сущность интерпретации, ее прелесть, красота и химера. Если мы абсолютизируем этот «угол зрения», мы попадаем в догму, одномерность. Вся сложность – удержаться на гранях.

11. «Мышление – бытие» человека СОБЫТИЙНО/*СО-БЫТИЙНО*, поэтому всякое понимание – это событие, конституирующие всю жизнедеятельность человека. Однако осознание событийности мышления указывает на *со-бытие* с другими и для других, а значит, и понимание возможно только как интерсубъективное, интерактивное, интенциональное.

12. Событийность мышления, его конституирование в различные формы показывает нам, что всякий метод мышления инвариантен и противопоставление методов как главных и неглавных исторически СЛУЧАЙНО. Проработка этой случайности, безусловно, эвристична и на определенном историческом

этапе весьма продуктивна (исторически случайно противопоставление в XVII в. дедукции и индукции, что, в сущности, выявил и выразил И. Кант), но лишь на определенном временном отрезке, продолжительность которого прямо пропорциональна процессу распредмечивания той проблемной ситуации, тех априорно полагаемых постулатов, собственно и задающих СИТУАЦИЮ – СОБЫТИЕ МЫШЛЕНИЯ, актуализируя его в четкой плоскости общественно-исторического бытия.

13. Событийность мышления показывает ложность попыток найти некий универсальный метод мышления. Каждое событие порождает свой строй мышления и бытия (освоения – хозяйствования, политической, социокультурной жизни), который для своего понимания требует реконструкции ИСХОДНОГО события. Однако сказанное не отменяет единства мышления в историческом континууме, ибо, повторимся, всякий реализованный способ мышления инвариантен по отношению к самому факту бытия человека в мире. Иначе говоря, мышление по своим исходным целостно, по реализации – различно. Синергетичность процессов мышления в восхождении от абстрактного к конкретному не отменяет возможности и необходимости изучения каждого из них в отдельности. Данное рассечение, **во-первых**, происходит исторически – в общественной практике, где в рамках общественного разделения труда происходит дифференциация социальных институтов, в каждом из которых воспроизводится лишь часть (вопрос малая – большая) общественно-исторического опыта, а следовательно, и часть мыслительных «*воз-можно-стей*», задавая тем самым область («люфт свободы») и уровень осмысления бытия (рождение идеологии). Следовательно, субъект профессиональной деятельности имеет некий общий набор «алгоритмов» необходимых для ее реализации. Естественно, что многообразие форм общественной жизни разбивает, «разбавляет» подобную одномерность, но, профессиональная деформация (иная – через власть, собственность, пол) целостности мышления происходит постоянно, образуя основание для существования (постоянно *вос-производящегося*) социальной мифологии. **Во-вторых,** необходимость *раз-дельного*, а скорее «нераздельно-неслиянного» исследования мышления обусловлена потребностью в распредмечивании мышления (феномен самосознания), где каждый освоенный мыслительный ход – это определенный уровень свободы – освобождения, движения к самому себе.

14. Плотность культуры – это плотность взаимосвязанных способов конституирования смысла, способов истолкования смысла. Исполненный смыслом путь – концепция. Понимание концептуально. Концепция едина от проблемы до своей формы разрешения. Экзистенциальным итогом концептуализации выступает личность, когнитивным выражением – теория, социально-практическим – идеал.

15. Целостность социального бытия обусловлена целостностью деятельности, целостностью общества как СУБСТАНЦИИ, где объективное и объективированное, субъектное, и масса артефактов представляют сложное устроенную систему. В данном ключе важна идея «превращенных форм», где общество, культура, история, ее производные, субъекты и артефакты есть в одинаковой мере «*превраты*». В классической постановке – превращенными формами – называют результаты многообразной социальной деятельности человеческого

рода – «умные» вещи. По нашему мнению, субъект также есть нечто превращенное – измененное в деятельности, поскольку человек не только изменяет объективную действительность, но и в этом изменении изменяет себя, превращаясь, освобождаясь, в частности, от определенных вещных зависимостей. Социальные институты, орудия труда есть творение и усилие человеческого рода. Интерпретация как процесс смыслообразования носит субстанциональный характер – выступает как процесс институализирующий и конституирующий определенные формы отношений человека к другому по поводу совместного (событийного) бытия – деятельности. Интерпретация - это школа динамического слияния (сращивания, переплетения, взаимопревращения). Это школа возрастания и взращивания сознания и самосознания и, вместе с этим, путь становления личности.

Естественно, что в данной статье было больше поставлено знаков вопроса, чем дано ответов, но именно вопрошание переводит нас в состояние «ученого незнания», а значит, готовности удивляться бытию, постигать его единство и противоречия, поэтому всю работу необходимо рассматривать как приглашение к осмыслению проблемы интерпретации в социально–философской перспективе.

Summary

O.D. Agapov. Interpretation as a problem of social philosophy.

The article is devoted to the comprehension of object self-determination of social philosophy, regarded as a problem of structure of the subject of the socio-philosophical reflexion, determined by the complexity of social reality.

The article represents the contours of the socio-philosophical conception of interpretation, enabling to overcome the shortage of ontological and gnosiological approach and coming out a higher of understanding the social existence.

In particular, it is shown that the subject of the interpretation is the existange of a man, and essence of the transformation of a man, as a potential object of historical activity into the subject of emboding and putting into reality human powers in a specific historical existange of a manking and so coming out to the level of preexistange (of personal development).

Литература

1. *Киященко Л.П.* В поисках ускользающей предметности. – М., 2000.
2. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: Изд-во «Аст», 2003. – 503 с.
3. *Микешина Л.А.* Философия познания: диалог и синтез подходов // Вопросы философии. – 2001. – № 4. – С. 70–84.
4. *Розеншток-Хюсси О.* Язык рода человеческого. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 608 с.

Поступила в редакцию
16.01.06

Агапов Олег Дмитриевич – кандидат философских наук, зам. директора по учебной работе Нижнекамского филиала Института экономики, управления и права (г. Казань).